

Для цитирования: Кабанов А. В.
Социальный конструктивизм:
сущность, истоки, версии
конструктивистского подхода к знанию //
Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 7—17.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-07-17.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-07-17

УДК 165.7

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ: СУЩНОСТЬ, ИСТОКИ, ВЕРСИИ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПОДХОДА К ЗНАНИЮ

Кабанов Александр Валерьевич,
Орловский государственный университет
им. И. С. Тургенева,
аспирант кафедры философии, логики
и методологии науки,
магистр философских наук,
Российская Федерация, 302026,
г. Орёл, ул. Комсомольская, 95
E-mail: 02081979.57@mail.ru

Аннотация.

Введение. Социальные исследования науки, начиная с исследований Р. Мертона, сразу стали важной составляющей интеллектуальной и научной жизни западного общества. Свидетельством популярности социальных исследований науки может служить количество периодических изданий, посвящённых этой проблематике: существует свыше 20 изданий, получивших международное признание. При этом отечественные исследования ведутся в гораздо меньшем объёме, и анализ социально-конструктивистских исследований науки в целом ещё не получил должного осмысления в отечественной литературе. Наша статья является попыткой подобного осмысления.

Цель. Проанализировать эволюцию англоязычного социального конструктивизма с момента его зарождения — публикации работы «Социального конструирования реальности» Питером Бергером и Томасом Лукманом в 1966; классифицировать социально-конструктивистские версии науки и выявить их характерные особенности.

Методы. В рамках исследования использовались схема — определение «социальной конструкции» Яна Хакинга, схема «социоисторического кластера» Филиппа Китчера и «объективистская концепция науки» Марии Баграмян.

Научная новизна исследования. Проведённый в исследовании анализ позволяет определить причины популярности социального конструктивизма в англоязычных странах в конце прошлого века (период «научных войн»); определить особенности социальной онтологии и эпистемического статуса научного знания в умеренной версии социального конструктивизма; проанализировать языковые особенности, обусловленные специфической рецепцией континентальной традиции философии, видение науки и её роли в обществе в радикальной версии социального конструктивизма.

Результаты. Основными результатами исследования являются: а) сближение онтологических позиций в аналитических и социально-конструктивистских версиях умеренного типа; б) нежелательные следствия социокультурного подхода к научному объяснению; в) противоречивость риторики радикальной версии социального конструктивизма.

Выводы. Социально-конструктивистские версии науки имеют многие нежелательные следствия, однако даже с учётом всех критических замечаний в их адрес подчёркивается важность социальных исследований науки.

Ключевые понятия:

социальный конструктивизм,
социальная эпистемология,
социальные исследования науки,
постмодернизм.

Введение

Современные социальные исследования науки занимают важное место в англоязычной философии науки [8; 25]. Существует также довольно много отечественных работ в этом направлении. В частности, есть монография Ю. С. Моркиной, посвящённая так называемой «сильной программе» социологии знания, существуют исследования академического капитализма [1], научные работы Л. А. Марковой по истории и основаниям социальной эпистемологии и многие другие. Более того, есть интересные отечественные монографии, в которых анализируется социальный конструктивизм как научная парадигма социогуманитарного знания [2; 4].

Однако область исследований отечественной социальной эпистемологии хоть и включает в себя область исследований западных специалистов, но в значительной мере проработанном виде. В самом деле, рассмотрим англоязычные периодические издания, посвящённые этой тематике. Среди периодических изданий, близких социальной эпистемологии, можно выделить журналы «Social Epistemology» (США), «Episteme» (Великобритания), «Science in Context» (Израиль-США).

Далее, приведём неполный список англоязычных изданий, посвящённых исследованиям в рамках STS (Science and Technology Studies) и близких к ним направлениям: «Social Studies of Science», «Science, Technology & Human Values», «Science & Technology Studies», «Engaging Science, Technology, and Society», «Catalyst: Feminism, Theory», «Technoscience», «Technology in Society; Research Policy», «Minerva: A Journal of Science, Learning and Policy», «Science, Technology and Society», «Science as Culture», «Research Policy», «IEEE Technology and Society Magazine», «Technology and Culture», «Science and Public Policy», «Technology and Society», «International Journal of Technoethics». Очевидны, с одной стороны, популярность социальных исследований науки и техники в англоязычных странах, а, с другой стороны, необходимость подобных отечественных работ, поскольку существует, судя по всему, только одно отечественное специальное издание, посвящённое этой проблематике — «Социология науки и технологии».

Более того, англоязычные работы, посвящённые этой тематике, переведены в очень небольшом количестве и по-прежнему недостаточно осмыслены в отечественной философской и социологической литературе.

Ещё менее осмыслены англоязычные социальные исследования науки конструктивистского типа в контексте «научных войн». Собственно говоря, именно эти факторы определяют актуальность данной работы в первую очередь для философов науки и социологов. Вместе с тем, учитывая огромную роль науки в жизни современного общества, наша статья может представлять интерес и для социальных философов.

1. Социальные исследования науки и социальный конструктивизм. История вопроса

Как известно, сам термин «социальное конструирование» («конструкция») появился в совместной работе Питера Бергера и Томаса Лукмана с соответствующим названием «Социальное конструирование реальности» (с подзаголовком «Трактат по социологии знания» — «A Treatise in the Sociology of Knowledge») в 1966 году. Этот трактат был попыткой объяснения «объективности» или «реальности» социальных установлений («social institutions»); то есть попыткой прояснить их стабильность и «независимость от нашего желания (мы не можем просто отменить социальные установления по собственному желанию)» [7, p. 10].

Бергер и Лукман старались показать, каким образом установления, возникшие как результат случайных интеракций людей, и являющиеся во вполне определённом смысле «сконструированными», в какой-то момент становятся принудительными для всех членов сообщества. Более того, верно следующее утверждение: для всех социализированных людей они (установления) воспринимаются как «внешние и объективные факты жизни» [19, p. 223].

Ретроспективно теория Бергера — Лукмана вовсе не выглядит сколько-нибудь радикальной. Скорее наоборот: многие её положения сегодня воспринимаются как само собой разумеющиеся, а в свете последующих постмодернистских проектов кажутся едва ли не консервативными.

Тем не менее эта теория имела в себе критические импликации. В самом деле, конструктивистский анализ предполагал ошибочность эссенциалистских представлений о природе социально институализированных практик, социальной идентичности и т. д. А это, в свою очередь, означало, что существующие практики, институты (и многое другое из социальной сферы) вовсе не обязаны быть такими, какими они являются на данный момент. Хотя, строго го-

вора, теория Бергера — Лукмана вовсе не утверждала, что существующие практики, сколько-нибудь дефективны или нуждаются в реформировании. Тем более их теория не утверждала, что эти практики, или, другие социальные установления (например, ценность денег), являются иллюзорными.

Однако впоследствии конструктивистскому анализу стали подвергаться многие другие, казавшиеся ранее незыблемыми вещи, как то: научный факт, некоторые научные нормы и ценности, и, наконец, научная истина. То есть, с такой точки зрения, научная истина также может быть сконструирована. Правда, последнее обстоятельство — следствие далеко не только конструктивистских влияний. Для философии науки последней трети двадцатого века, вообще, характерны антиреалистические тенденции (Л. Лаудан, М. Даммит и т. д.).

Очевидно, что сам тезис о конструировании научных фактов, а не их открытия учёными, не мог не вызвать недовольства со стороны последних. То есть по существу многие учёные восприняли самую идею «социального конструирования» научных фактов как обвинение в идеализме, если не в фабрикации ими эмпирических данных. Согласно слегка ироничному замечанию Я. Хакинга [12, р. 60], «учёные не чувствуют достаточного уважения социологов к неумолимым законам природы».

Впоследствии, в 90-е годы прошлого столетия, это приведёт к так называемым «научным войнам» («science wars», реже используется термин «culture wars»).

Напомним, «научные войны» — это период обострённых дискуссий между, с одной стороны, учёными (чаще всего представителями естественных наук) и, с другой стороны, философами и социологами (в том числе конструктивистами и постмодернистами) о роли науки, научного знания, политики и идеологии в жизни общества. К этому же периоду относится известный скандальный эпизод — так называемый «Sokal hoax». В 1996 году физик-ядерщик Алан Сокал опубликовал в академическом журнале «Social Text» заведомо ложную статью о квантовой механике (якобы политических импликациях в квантовых эффектах), а через три месяца опубликовал статью в журнале «Lingua Franca», где признался в намеренном обмане. По его словам, он хотел проверить строгость рецензирования в культурологических и социологических журналах «леволиберального» толка [19, р. 224]. Как и следовало ожидать, случай с Аланом Сокалом вызвал неоднозначную

реакцию общественности: с одной стороны, явный подлог — однозначное нарушение научной этики; с другой стороны, ангажированность и непрофессионализм редакторов известного журнала несколько обескураживают.

Как замечает Майкл Линч [19, р. 226], «научная война 90-х сошла на нет к началу нового десятилетия без решающей победы какой-либо из сторон. Войны в строгом смысле слова никогда и не было, а основные протагонисты, в конце концов, перестали спорить друг с другом. Возможно, они просто устали слышать одни и те же аргументы и контраргументы». Правда, при этом, как справедливо замечает Хендерсон [13, р. 213], «количество авторов, сочувствующих конструктивистам, сократилось».

В известной работе Яна Хакинга «The Social Construction of What?» [12, р. 2] приводится далеко не полный перечень (24 позиции) конструктивистских работ: «Авторство», «Братство», «Опасность», «Эмоции», «Грамотность», «Гендер», «Природа», «Серийное убийство», «Болезнь», «Постмодернизм» и т. д. Самые интересные для нас — это, конечно, работы, касающиеся знания и науки: «Знание» («Knowledge» — MacKenzie 1981, Myers 1990, Barrett 1992, Torkington 1996), «Кварки» («Quarks» — Pickering 1986), «Факты» («Facts» — Latour and Woolgar 1976), «Глухота» («Deafness» — Hartley and Gregory 1991), «Сознание» («Mind» — Coulter 1979), «Нетрадиционная наука» («Extraordinary Science» — Grunzweig and Maierhofer 1992, Collins 1982). Вернёмся ненадолго к Алану Сокалу. Сокал в своей пятистраничной скандальной статье для «Social Text» использовал термин «социальная конструкция» всего два раза. В свою очередь, Стэнли Фиш, один из (сочувствующих) исследователей постмодернизма, написал polemический ответ ему, где всего в нескольких абзацах использовал термин «социальная конструкция» и его производные пятнадцать раз [12, р. 3]. Эти цифры говорят сами за себя. Так что популярность социального конструктивизма к концу прошлого и началу нынешнего веков сложно отрицать [16].

Что же такое социальный конструктивизм и в чём причина его популярности в тот период времени (90-е и начало 2000-х)?

2. Причины популярности социального конструктивизма

С большими упрощениями можно утверждать, что существуют три наиболее популярных представления о науке.

Первое, в значительной мере характерное для учёных (в первую очередь, естественников), — это представление, согласно которому наука занимается открытием фактов, причём сами факты объективны и принадлежат («находятся в») миру. В основе этой позиции, безусловно, лежит допущение, что мир некоторым образом упорядочен, структурирован, и соответственно задача учёного — этот порядок или структуру обнаружить и каким-либо образом описать. Эту позицию можно было бы назвать научным реализмом.

Брайан Элис [10, p. 173], реалист-эссенциалист, в статье для Routledge Companion to Philosophy of Science ровно это и говорит: «Мир предположительно в высокой степени структурирован. Это моя основная структурная гипотеза». «The world is thus assumed to be a highly structured physical world. This is my basic structural hypothesis». По справедливому, на наш взгляд, замечанию Я. Хакинга [12, p. 60] структурированный мир «... не есть научная гипотеза. Это метафизическое представление».

Более того, позиция научного реализма, как правило, предполагает объективистскую концепцию науки. Следуя М. Баграмян [5] в статье «Relativism about Science», объективистскую концепцию можно сформулировать в семи тезисах:

1. Научный реализм.
2. Научная универсальность. То есть настоящие научные законы не зависят ни от времени, ни от места.
3. Научный метод. Предположительно, существует единственно правильный научный метод.
4. Независимость от контекста. («context-independence»). Существует чёткое различие между контекстом открытия и контекстом обоснования. Социальные, психологические, экономические обстоятельства, повлиявшие («give rise to») на возникновение теории, не должны использоваться при обосновании самой теории.
5. Инвариантность значения. Научные и теоретические термины имеют фиксированные значения, которые не меняются с изменением (развитием) самих теорий.
6. Конвергенция («convergence»). Различные, кажущиеся на данный момент несовместимыми, теории, в конечном счёте, не будут противоречить друг другу в некой единой теории когда-нибудь в будущем.
7. Научное знание кумулятивно. Существует постоянный рост знания во

всех научных областях, поэтому можно говорить о научном прогрессе [5, p. 268].

Схожую концепцию (правда, из четырёх пунктов) предлагает Филипп Китчер [14] с добавлением положения о фаллибилизме.

Очевидно, что далеко не все учёные (и философы) разделяют этот взгляд на науку и мир. Как правило, несогласие с объективистской концепцией науки означает отрицание какого-либо положения (их может быть несколько) из этого списка. К примеру, П. Фейерабенда, автора известной работы с характерным названием «Против метода», явно не устраивало положение (помимо прочих) под номером три — о единственности научного метода. Или можно вспомнить Ричарда Фейнмана: ему приписывают фразу, что учёным нужна философия науки (конечно, объективистского типа), как птицам орнитология.

Далее, у Людвика Флека, учёного-бактериолога, картина мира (и, соответственно науки) была иной. Он писал о возникновении и развитии научных фактов. В данном случае не столько важен даже сам акцентированный конструктивный элемент, сколько иная метафизическая картина мира: мир не есть некое структурное целое, с одной стороны, и едва ли возможно выполнение пункта об инвариантности (фиксированности) значения терминов и концептов, которые этот мир описывают, с другой. В некотором смысле они предполагают друг друга. То есть, по его мнению, первое, и пятое положения ложны.

Схожего взгляда на мир и науку (как правило, с дополнительным отрицанием четвёртого положения) придерживается часть социальных конструктивистов. Это особенно характерно для Эдинбургской «сильной программы» социологии научного знания и ряда проектов в рамках STS — Science and Technology Studies, с их повышенным интересом к научному классифицированию и вопросам семантики (неприятием эссенциализма). По-видимому, эту позицию можно было бы несколько упрощённо охарактеризовать как номинализм.

Таким образом, одной из причин относительно недавних «научных войн» является, мягко говоря, неновая дихотомия «реализм-номинализм».

С другой стороны, целый ряд социальных конструктивистов, имея определённый взгляд на природу открытия, научную истину, при этом, как правило, мало интересуются вопросами реализма и антиреализма. Используя карнаповскую терминологию, можно было бы сказать, что все эти вопросы (реализма, антиреализма и т. д.) являются

внешними по отношению к их теориям. Как замечает Хакинг [12, р. 60], «вполне естественно эту позицию можно было бы охарактеризовать термином Нельсона Гудмена «ирреализм»: ни реализм, ни антиреализм, а, скорее, равнодушие к такого рода вопросам, что, в свою очередь, есть тоже определённая метафизическая позиция». Здесь надо добавить, что и социальные конструктивисты, и учёные предпочитают избегать термина «метафизика».

Эту «ирреалистическую позицию», — её же некоторые исследователи называют постмодернистской, — Ричард Бернштейн, известный американский философ, как-то охарактеризовал «гневом против разума». Схожие мысли были и у П. Фейерабенда в работе с соответствующим названием «Прощай, разум». «Гнев против разума» — это реакция на ядерное и химическое оружие, гонку вооружений, экологические катастрофы и т. д. Соответственно, это и гнев против традиционной науки. И причина «гнева против разума» более глубинная — это как раз тот метафизический взгляд на якобы структурированный мир традиционной науки. То есть, по мнению ряда социальных конструктивистов, «науки как бы пытаются познать сущность творения или сознание Бога. А метафизика конструктивизма отрицает наличие сущности у творения и саму возможность взгляда на мир глазами Бога. Это (метафизика традиционной науки) представляет угрозу конструктивистской картине мира» [12, р. 61].

Феминистские исследования науки, нередко примыкающие к социальным конструктивистам условного «ирреалистического» направления, исходят из схожих представлений; только им не нравится, скорей, патриархальность (в некотором специфическом смысле) традиционной науки и соответствующей метафизики.

И вот именно эти, альтернативные традиционным, представления о науке лежат в основе конструктивистских взглядов и сделали (и отчасти продолжают делать) его (социальный конструктивизм) популярным. И, судя по всему, работа Бергера-Лукмана в некотором смысле лишь позволила концептуализировать уже имеющиеся в науке представления о социальном конструировании.

3. Некоторые особенности и варианты социального конструктивизма

Сначала попытаемся определить саму идею социальных исследований науки. Следуя Ф. Китчеру [14, р. 36], можно утверждать,

что все социальные исследования науки исходят из следующих положений («Социоисторический кластер» — «Socio-Historical Cluster» в терминологии Китчера).

1. Наукой занимаются люди, то есть существа с ограниченными когнитивными способностями; люди принадлежат к социальным группам со сложными структурами и историями.

2. Каждый учёный начинает исследование с некоторым понятийно-категориальным аппаратом («categories and preconceptions»), который был сформирован ранее социальными группами, которым он принадлежал. Иначе говоря, исследователь не начинает работать «с чистого листа».

3. Социальные структуры науки непосредственно влияют на исследование (как на направление исследований, так и на их теоретические результаты).

4. Социальные структуры науки задают своего рода поле исследования — это те вопросы, которые являются значимыми, и те ответы, которые являются допустимыми.

По-видимому, все четыре положения сами по себе не противоречат традиционной объективистской концепции науки. Иными словами, вполне можно (хотя и непросто, по справедливому замечанию Ф. Китчера) быть социальным исследователем науки и научного знания и не являться при этом социальным конструктивистом.

Теперь попробуем проанализировать сам термин «социальный конструктивизм». Вообще говоря, термин «социальный конструктивизм» в философии науки (и в социальной эпистемологии в целом) не является строго определённым. В англоязычной философской литературе подобного рода термины относят к категории «vague terms» (У. В. О. Куайн их называл «ораque terms»). По отчасти справедливому замечанию А. М. Улановского, «отсутствие работ по истории данного направления оставляет свободу для интерпретаций термина» [4, с. 279]. Это замечание справедливо лишь отчасти, потому что существуют англоязычные работы, посвящённые этой тематике. Так, есть довольно объёмная совместная работа (383 с.) Энди Локка и Тома Стронга «Social Constructionism. Sources and Stirrings in Theory and Practice» от 2010 года [18]. Работа включает в себя обширный список философов и учёных, повлиявших на современный социальный конструктивизм (Дж. Вико, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, А. Шютц, Г. Гадамер, Л. Витгенштейн, Гарфинкель, Гидденс, М. Фуко, Г. Бейтсон, К. и М. Герген и многие другие).

При этом следует отметить, что ни Стэнфордская философская энциклопедия, ни целый ряд англоязычных исследователей, в том числе Том Стронг и Энди Локк, не дают определения самого термина «социальный конструктивизм». Есть, правда, интересное исследование Андре Кукла [17] «Social Constructivism and the Philosophy of Science». Но и этот автор не приводит определения (в главе с характерным названием, кстати, «Defining Constructivism» — «Определяя конструктивизм»), а воспроизводит схему «X — есть социальная конструкция тогда, когда выполняются некоторые условия и т. д.» Яна Хакинга из работы «The Social Construction of What?». При этом Андре Кукла выделяет-таки разные типы конструктивизма: семантический, метафизический и т. д.

По мнению автора, социальный конструктивизм можно определить как направление (подход) в эпистемологии и философии науки, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием (построением) образов, понятий и рассуждений в процессе социальных интеракций; соответственно любое знание для представителей этого подхода является результатом такого рода конструирования.

Однако рассмотрим особенности подхода Я. Хакинга. Хакинг не даёт определения термина «социальный конструктивизм», но пытается определить термин «X есть социальная конструкция» следующим образом.

1. Существование X не является необходимым или же не является необходимым в существующем виде. X, или же существующий X, не предопределён природой вещей; он (X) не является неизбежным («inevitable»). «X need not have existed, or need not be at all as it is. X, or X as it is at present, is not determined by the nature of things; it is not inevitable» [12, p. 6].

Нередко, по мысли Я. Хакинга, добавляются дополнительные посылки:

2. X неудовлетворителен в существующем виде настолько, насколько это возможно. «X is quite bad as it is» [12, p. 6]

3. Было бы лучше без X, или, по крайней мере, X необходимо радикально трансформировать [12, p. 6].

Можно предположить, что наличие только первой посылки достаточно для приверженности социальному конструктивизму, скажем, умеренного типа. Эта позиция характерна для «сильной программы» социологии знания, Фуллера и ряда исследователей из STS (например, С. Сисмондо [24]). Но, что интересно, эта позиция в отношении

онтологии характерна для многих представителей аналитической философии, то есть, сторонников, скорее, традиционной эпистемологии. Это, в первую очередь, Джон Р. Сёрль [22; 23], Э. Сейер [21], Д. Элдер-Васс [9]. Так, по их мнению, социальная конструкция (или «institution» — установление) — это неотъемлемая часть нашей социальной онтологии. По существу, большинство социальных реалий (деньги, собственность, право) являются социально сконструированными, и не включать их в онтологию, по меньшей мере, неразумно.

И в этом смысле нередко встречающаяся дилемма «реализм — социальный конструктивизм» ложна. То есть, правильнее говорить, что некто является социальным конструктивистом (на английском — «social constructivist about ...») в отношении чего-либо (чисел, законов и т. д.). И также, что некто является реалистом (на английском — «realist about ...») в отношении чего-либо (кварков, частиц, молекул и т. д.). И этот некто вполне может быть одним и тем же лицом.

Различия их, скорее, выражаются дилеммой «реализм эссенциалистского типа — номинализм (с определёнными упрощениями)». Так, Эндрю Сейер [9, p. 83] пишет: «...несмотря на то что эссенциализм часто противопоставляется социальному конструктивизму, эссенциалисты с радостью рассматривают вещи, вроде социальных установлений, которые, очевидно, социально сконструированы, но имеют при этом сущность...». Для социальных конструктивистов термин «сущность» (на английском — «essence») неприемлем, поскольку их взгляд на науку близок к воззрениям уже упомянутого нами Людвика Флека.

С другой стороны, и в этом вопросе происходит смягчение позиций. Так, Б. Барнс, представитель «сильной программы» (т. е. антиэссенциалист), в одной из последних своих статей (с характерным названием «Essences in the Sciences», [6, p. 101] видит некоторый смысл в сущностях: «Они (эссенциалистские стратегии) необходимы для сохранения культуры в процессе изменений для стабилизации (эссенциального, сущностного) компонента в нашем знании; компонента, необходимого для взаимопонимания и координации наших действий». То есть, допущение сущностей возможно по прагматическим соображениям: в конечном счёте, они необходимы при обучении, социализации и т. д.

Но каков онтологический статус самого знания (в первую очередь, научного)? И тут неизбежны разногласия: во-первых,

возможна позиция Поппера (а ещё ранее Г. Фреге) о некоем «третьем мире» знания. Надо заметить, что в объективистской концепции науки второе положение об универсальности научных законов (независимости от времени и места) вполне допускает такое прочтение. С другой стороны, не так уж много у теории «третьего мира» сторонников: по-видимому, она (теория) предполагает слишком серьёзные онтологические допущения.

Можно утверждать, что немалое число аналитических философов считает, что знание социально сконструировано, но не в том смысле, как его определил Хакинг. Знание научное (которое по преимуществу пропозициональное — «propositional») социально сконструировано, поскольку есть результат (артефакт) деятельности людей, социальных интеракций, артикулируется в языке, который по самой сути своей социален. С другой стороны, знание не социально сконструировано в смысле Хакинга, поскольку тот самый «X» из его определения, где «X» есть «знание», в некотором смысле предопределён природой вещей.

Так, Сейер [9, р. 91] утверждает: «Конечно, знание и социальные феномены социально сконструированы; но это вовсе не означает, что явления внешнего мира («external phenomena») и социальные установления не могут влиять на наши интерпретации. И тот факт, что мы изучаем социальные конструкции («social constructions»), также не означает, что у этих конструкций нет структурного единства («structural integrity»)». Иными словами, признание социально сконструированного характера явления вовсе не предполагает волюнтаризм, при котором мы можем каким-либо образом пересмотреть (изменить) само это явление».

Умеренный социальный конструктивизм, вообще говоря, тоже не предполагает волюнтаризм в отношении знания. Но по мнению представителей «сильной программы», «X» из определения Хакинга, где «X» есть «знание», вполне мог бы быть другим. Скорее, правильно говорить о плюрализме в отношении знания. И это следствие, во-первых, того факта, что принимается усиленная трактовка «Социокультурного кластера» Китчера. То есть, каузальный подход к науке (объяснение выбора теорий учёными в терминах социальных интересов и т. п.), принимаемый исследователями, размывает традиционное деление факторов на экстерналистские и интерналистские и придаёт знанию случайный характер. Поэтому, на их взгляд, возможны альтернативные матема-

тики (как, кстати, и у О. Шпенглера). Во-вторых, знание в силу социальных факторов (в первую очередь, языка) релятивизировано к средствам описания и предположительно к концептуальной схеме. Отсюда, очевидно, что и эпистемический статус знания отличен от аналитических (и традиционных) версий.

Если же мы принимаем дополнительные две посылки из определения Я. Хакинга, то получаем более радикальные версии конструктивистского типа. Здесь очевидны критические импликации. Собственно, так Хакинг [12, р. 3] и пишет: «Социальные конструктивисты (их работы) критически настроены по отношению к существующему положению дел». «Social construction work is critical of the status quo». То есть, речь здесь идет именно о представителях «ирреалистического» подхода к науке.

При кратком анализе этого (условного) направления необходимо учитывать следующее. Оно (направление) слишком неоднородно и аморфно и, не существует некоего единого согласованного списка, из которого бы однозначно следовала принадлежность кого-либо к этому направлению. При этом очевидно, что оно должно включать себя как учёных — социальных исследователей науки, просто учёных (чаще психологов), работающих в этой парадигме, и философов, близких постмодернизму.

Надо отметить, что при оценке радикальных версий социального конструктивизма (постмодернистских) с континентальным типом рассуждения, для многих аналитиков (традиционных для англоязычных стран философов) всё ещё характерна следующая оценка Джона Пассмора (в данном случае Ю. Хабермаса): «...Его (Хабермаса) теория языка была подвергнута критике со стороны Бар-Хиллела в журнале «Synthese» (1973). Как это часто случается, Хабермас в ответ указывает, что был неправильно понят; если принять во внимание его манеру письма, то это вполне вероятно» [3, с. 129—130]. И, вообще говоря, это объяснимо. В самом деле, как можно понять при традиционном прочтении, к примеру, предложение Донны Хэруей: «В наше мистическое время мы все химеры, теоретизированные и сфабрикованные гибриды из машин и организмов»? «In our time, a mystic time, we are all chimeras, theorized and fabricated hybrids of machines and organisms» [26, р. 183].

Надо отметить, что специфическая «манера письма» последователей радикального типа социального конструктивизма — это не случайная, а характерная их черта.

Своеобразная риторика, во-первых, противопоставляется традиционному научному дискурсу — и это следствие неприятия объективистской концепции науки (т. е. семи пунктов М. Баграмян) и, во-вторых, выполняет, скорее, идеологическую функцию — «критическую в отношении status quo» по словам Хакинга.

Предположительно, можно выделить четыре идейные составляющие в основе постмодернистских проектов: отрицание рационализма, как идейного наследия Просвещения. Далее, это марксистские корни — «традиционный марксистский взгляд на то, что наука в действительности есть наука «буржуазная» и является структурным воплощением капиталистического порядка» [11, р. 31]. В-третьих, крайние феминистские взгляды: наука как воплощение гендерного неравенства. И наконец, мультикультурализм: современная наука есть по преимуществу «западный проект», не учитывающий культурное многообразие.

Обсуждение

Рассмотрим умеренную социально-конструктивистскую версию «сильной программы» социологии знания. Вообще говоря, каузальный подход «сильной программы» в сочетании с принципом симметрии (рассматриваются равным образом и ложные, и истинные теории) позволяет избегать термина «знание». Вместо него используется термин «убеждение» (belief) и, соответственно, «истинное» или «ложное убеждение». По словам Д. Блура, главного представителя «сильной программы», «принцип симметрии необходим, чтобы исключить неестественное понятие «разума» в каузальном объяснении. Но он (принцип) не предполагает исключения натуралистического понятия «разум», будь то психологическое (понятие) или же социальное» [20, р. 297].

Отсюда возникают два вопроса. Во-первых, согласно когнитивным исследованиям, известно, что естественная способность человека рассуждать правильно крайне ограничена, особенно в вероятностных контекстах; тогда на чём основано доверие (на английском языке часто используется термин «epistemically worthy») к рассуждениям и, главное, к результатам учёных?

Во-вторых, чем можно объяснить (эпистемические) успехи науки, будь то научные предсказания или технологические разработки, отрицать которые просто бессмысленно? Очевидно, что Блур, в отличие от представителей традиционных взглядов на

науку, не может апеллировать к рациональной (традиционной) модели объяснения с соответствующим понятием научного метода и нормам исследования. И это уязвимое место не только «сильной» программы, но и всех сторонников психосоциальных (натуралистических) подходов к объяснению в науке.

Далее рассмотрим радикальные версии социального конструктивизма. Очевидно, что в основе всех разнообразных концепций социального конструктивизма лежит одна общая идея — радикальный релятивизм в отношении знания. Собственно говоря, это и есть их самое уязвимое место. Непонятно, например, почему нужно предпочитать именно их подход, если, предположительно, возможен радикальный истинностный плюрализм. В частности можно выбрать классический подход к науке. При этом в пользу классического подхода свидетельствует вся многовековая история науки; напротив, постмодернистские подходы не могут похвастать большим послужным списком в области эпистемологии.

Приверженцы тех версий, в которых отрицается роль и авторитет науки, предположительно, должны иметь определённую стратегию решения глобальных проблем. Но каким образом можно решить какую-либо глобальную проблему — например, проблему глобального потепления? Любое решение проблемы предполагает какой-либо консенсус и какое-либо доверие к экспертному сообществу, но, очевидно, недостижим в подобной ситуации. С другой стороны, своеобразный язык, эндемичный для постмодернистских работ, едва ли способствует достижению консенсуса. Ещё менее он способствует достижению эмансипации, которой постмодернисты так настойчиво добиваются. Скорей, наоборот, такого рода язык только способствует манипулированию. Вообще, как справедливо писал Бертран Рассел в своей «Автобиографии»: «Я полагаю, что, в значительной степени, неясное мышление служит оправданием для жестокости». «I find that much unclear thought exists as an excuse for cruelty» [11, р. 17].

Заключение

В статье мы попытались охарактеризовать истоки англоязычной версии социального конструктивизма, начиная с работы Бергера — Лукмана «Социальное конструирование реальности»; рассмотрели причины необычной популярности социальных

исследований науки конструктивистского типа конце прошлого века. Также мы кратко проанализировали основные варианты социального конструктивизма (умеренная и радикальная версии), их особенности, принципы и недостатки. Однако при всех критических замечаниях, особенно в адрес радикальных версий социального конструктивизма, на наш взгляд, необходимо признать важность социальных исследований науки. Исторические, социологические, философские перспективы, во-первых, могут предложить ценный анализ реальной научной практики; во-вторых, концептуальное и методологическое прояснение теоретических дискуссий; в-третьих, могут прояснить влияние социального давления, так или иначе оказываемого на учёных. Наконец, социальные исследования науки могут содействовать более рациональной научной политике.

1. Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М. : Весь мир, 2016. 264 с.

2. Касавин И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешённые проблемы // Эпистемология & философия науки. 2008. Т. 15, № 1. С. 5—14.

3. Пассмор Дж. Современные философы. М. : Идея-Пресс, 2002. 192 с.

4. Улановский А. М. «Новая парадигма» социальных наук: линии развития современного конструктивизма // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+ : Реабилитация, 2010. С. 279—299.

5. Baghramian M. Relativism About Science // The Routledge Companion to Philosophy of Science / eds. M. Curd and S. Psillos. Oxon : Routledge, 2014. P. 268—280.

6. Barnes B. Essences in the Sciences // *Critical Quarterly*. 2011. Vol. 53, № 4. P. 90—102.

7. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York : Penguin Books, 1991. 256 p.

8. Collin F. Science Studies as Naturalized Philosophy. Dordrecht : Springer Science + Business Media, 2011. 247 p.

9. Elder-Vass D. The Reality of Social Construction. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 283 p.

10. Ellis B. Essentialism and Natural Kinds // The Routledge Companion to Philosophy of Science / eds. M. Curd, S. Psillos. Oxon : Routledge, 2014. P. 170—181.

11. Gross P., Levitt N. Higher Superstition: The Academic Left and its Quarrels with Science. Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 1994. 413 p.

12. Hacking I. The Social Construction of What? Harvard : University Press, 1999. 261 p.

13. Henderson D. Overview: On Science and Social Epistemology // The Routledge Handbook of Social Epistemology / eds. M. Fricker, P. Graham,

D. Henderson, N. Pedersen. New York : Routledge, 2020. P. 211—219.

14. Kitcher P. A Plea For Science Studies // A House Built on Sand / eds. N. Koertge. New York : Oxford University Press, 1998. P. 39—50.

16. Koertge N. Scrutinizing Science Studies // A House Built on Sand / eds. N. Koertge. New York : Oxford University Press, 1998. P. 1—6.

17. Kukla, A. Social Constructivism and the Philosophy of Science. London : Routledge, 2000. 170 p.

18. Lock A., Strong T. Social Constructionism. Sources and Stirrings in Theory and Practice. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 383 p.

19. Lynch M. The Sociology of Science and Social Constructivism // The Routledge Handbook of Social Epistemology / eds. M. Fricker, P. Graham, D. Henderson, N. Pedersen. New York : Routledge, 2020. P. 243—253.

20. Nola R. Social Studies of Science // The Routledge Companion to Philosophy of Science / eds. M. Curd, S. Psillos. Oxon : Routledge, 2014. P. 291—301.

21. Sayer A. Realism and Social Science. London : SAGE Publications Ltd., 2000. 211 p.

22. Searle J. The Construction of Social Reality. New York : Free Press, 1995. 241 p.

23. Searle J. Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World. New York : Basic Books, 1999. 175 p.

24. Sismondo S. An Introduction to Science and Technology Studies. Oxford : Blackwell Publishing Ltd., 2010. 244 p.

25. The Handbook of Science and Technology Studies / eds. U. Felt, R. Fouche, C. Miller, L. Smith-Dorerr. Cambridge : the MIT Press, 2017. 1159 p.

26. Zammito, J. A Nice Derangement of Epistemes: Post-Positivism in the Study of Science from Quine to Latour. Chicago ; London : University of Chicago Press, 2004. 390 p.

References

1. Kasavin I.T. (2016) Social'naja filosofija nauki i kolektivnaja jepistemologija. Moscow, Ves' mir, 264 p. [in Russ].

2. Kasavin, I.T. (2008). *Jepistemologija & filosofija nauki*, vol. 15, no. 1, pp. 5—14. [in Russ].

3. Passmor Dzh. (2002). *Sovremennye filosofy*. Moscow, Ideja-Press, 192 p. [in Russ].

4. Ulanovskij, A.M. (2010). «Novaya paradigma» social'nyx nauk: linii razvitiya sovremennogo konstruktivizma // *Social'naja jepistemologija: idei, metody, programmy*. Moscow, Kanon+, Reabilitacija, pp. 279—299. [in Russ.]

5. Baghramian, M. (2014). Relativism About Science // The Routledge Companion to Philosophy of Science. Oxon, Routledge, pp. 268—280. [in Eng].

6. Barnes B. (2011). *Critical Quarterly*, vol. 53, no. 4, pp. 90—102. [in Eng].

7. Berger P., Luckmann T. (1991). The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York, Penguin Books, 256 p. [in Eng].

8. Collin F. (2011). Science Studies as Naturalized Philosophy. Dordrecht, Springer Science + Business Media, 247 p. [in Eng].

9. Elder-Vass D. (2012) The Reality of Social Construction. Cambridge, Cambridge University Press, 283 p. [in Eng].

10. Ellis B. (2014). Essentialism and Natural Kinds // *The Routledge Companion to Philosophy of Science*. Oxon, Routledge, pp. 170—181. [in Eng].
11. Gross P., Levitt N. (1994). *Higher Superstition: The Academic Left and its Quarrels with Science*. Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, 413 p. [in Eng].
12. Hacking I. (1999). *The Social Construction of What?* Harvard, University Press, 261 p. [in Eng].
13. Henderson D. (2020). Overview: On Science and Social Epistemology // *The Routledge Handbook of Social Epistemology*. New York, Routledge, pp. 211—219.
14. Kitcher P. (1998). A Plea For Science Studies // *A House Built on Sand*. New York, Oxford University Press, pp. 39—50. [in Eng].
16. Koertge N. (1998). Scrutinizing Science Studies // *A House Built on Sand*. New York, Oxford University Press, pp. 1-6. [in Eng].
17. Kukla, A. (2000). *Social Constructivism and the Philosophy of Science*. London, Routledge, 170 p. [in Eng].
18. Lock A., Strong T. (2010). *Social Constructionism. Sources and Stirrings in Theory and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press, 383 p. [in Eng].
19. Lynch M. (2020). *The Sociology of Science and Social Constructivism* // *The Routledge Handbook of Social Epistemology*. New York, Routledge, pp. 243—253. [in Eng].
20. Nola R. (2014). Social Studies of Science // *The Routledge Companion to Philosophy of Science*. Oxon, Routledge, pp. 291—301. [in Eng].
21. Sayer A. (2000). *Realism and Social Science*. London: SAGE Publications Ltd, 211 p. [in Eng].
22. Searle J. (1995). *The Construction of Social Reality*. New York, Free Press. 241 p. [in Eng].
23. Searle J. (1999). *Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World*. New York, Basic Books, 175 p. [in Eng].
24. Sismondo S. (2010). *An Introduction to Science and Technology Studies*. Oxford, Blackwell Publishing Ltd, 244 p. [in Eng].
25. *The Handbook of Science and Technology Studies (2017)* / eds. U. Felt, R. Fouche, C. Miller, L. Smith-Doerr. Cambridge, the MIT Press, 1159 p. [in Eng].
26. Zammito, J. (2004). *A Nice Derangement of Epistemes: Post-Positivism in the Study of Science from Quine to Latour*. Chicago, London, University of Chicago Press, 390 p. [in Eng].

For citing: Kabanov A.V.
Social constructivism: subject matter,
origins, versions of the constructivist
approach to knowledge //
Socium i vlast'. 2021. № 2 (88). P. 7—17.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-2-07-17.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-07-17

UDC 165.7

SOCIAL CONSTRUCTIVISM: SUBJECT MATTER, ORIGINS, VERSIONS OF THE CONSTRUCTIVIST APPROACH TO KNOWLEDGE

Alexander V. Kabanov,

Orel State University named after I.S. Turgenev,
Postgraduate Student of the Department
of Philosophy, Logic
and Methodology of Science,
The Russian Federation, 302026,
Orel, ulitsa Komsomolskaya, 95
E-mail: 02081979.57@mail.ru

Abstract

Introduction. Starting from R. Merton's pioneer works, social studies of science have been a major part of Western intellectual and scientific life. The total number of periodicals on the subject, that is over 20, illustrates the point best. Meanwhile Russian social studies of science are far less intensive. Moreover Western studies of social constructivist type still haven't received sufficient coverage in Russian scientific literature. Our article is an attempt to somewhat reverse the situation. The aim of the article is to analyze social constructivism evolution in the English speaking countries starting from Berger and Luckmann's seminal work "The Social Construction of Reality" in 1966; to classify social constructivist versions of science together with their most prominent traits.

Methods. When considering the problem, the author uses Y. Hacking's schematic definition of social construction, P. Kitcher's scheme of "socio-historical cluster" and M. Baghramian's "objectivist conception of science".

Scientific novelty of the research. The analysis provides reasons for social constructivism popularity during the "science wars"; specifies social ontology and epistemic status of scientific knowledge in moderate versions of social constructivism; specifies some discourse peculiarities of radical versions of social constructivism (the consequence of somewhat unusual reception of continental tradition) and its view of the science.

Results. The basic results are: a) certain convergence of ontological positions in analytic and moderate versions of social constructivist type, b) controversial issues of social (historical) approach to scientific explanation and c) controversial issues of postmodern rhetoric in radical versions.

Conclusions. Social studies of science play an important role in science and society, the critical comments towards social constructivist versions notwithstanding.

Keywords:

social constructivism,
social epistemology,
social studies of science,
postmodernism.